

Киржацкий А.С.

РАБ ТЬМЫ

16+

Александр Киржацких

Раб тьмы

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Киржацких А. С.

Раб тьмы / А. С. Киржацких — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Тьма сгустилась над рыбацким городком Тотен. Беспощадное зло в образе древнего вампира терзает его жителей. Никто не знает, что делать. Кроме пациента психиатрического отделения Виссариона. Лишь он сможет остановить зверя, и Виссарион пойдёт на всё, чтобы это сделать. Или, может быть, всё не то, чем кажется? В любом случае ему придётся выбраться из лечебницы, либо доказав всем существование вампира, либо устроив кровавую баню. Какой же путь выберет Виссарион? Готов ли он пойти на чудовищные жертвы ради спасения мира от древнего зла или он сможет остановить монстра без лишнего кровопролития?

© Киржацких А. С., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Новая медсестра	10
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Александр Киржацких

Раб тьмы

Пролог

Непроглядные сумерки ступились над рыбацким городком Тотен, когда Виссарион возвращался на своей маленькой лодочке с моря к себе домой, в одинокую ветхую лачугу у берега. Двадцатипятилетний рыбак весь дрожал и стучал зубами, его губы посинели – Виссарион промёрз до костей. Главной причиной тому являлось утро, которое выдалось необыкновенно тёплым для начала октября, из-за чего Виссарион отправился в этот день на своей скромной лодочке дальше, чем он заходит обычно. К тому же погода и южное направление ветра обманчиво настояли, чтобы Виссарион оделся в лёгкую куртку и даже не надел шапку. Рыбак не был из местных, поэтому ещё не знал про коварство погоды Тотена, из-за которой в городке ежегодно погибает от двадцати до тридцати пяти человек.

Свою ошибку рыбак осознал только после полудня, когда ветер коварно переменял направление и подул с севера. Резко похолодало. Но Виссарион не мог вернуться домой с пустыми руками. Его низкое положение в обществе обрекало его на голодный день, если он сейчас ничего не поймает. Именно поэтому – по велению пустого живота – Виссарион остался в море, пренебрегая неудобствами.

Затем температура упала ещё ниже. А улова всё не было. Придётся посидеть ещё. Кабы за это время Виссарион не простудился в своей лодочке. Или не умер от переохлаждения; от давнего бича Тотена.

Рыбак мёрз. Солнце торопливо сбегало с зенита и стремилось к закату. Температура воздуха неостановимо падала, и уже необыкновенно тёплое утро переросло в небывало холодный вечер. И вот, наконец, Виссариону повезло – он поймал крупную треску.

Наконец он может вернуться домой, приготовить улов и поесть.

Вот только в тот день он уплыл куда дальше, чем обычно. До берега пришлось грести очень долго. Вечер успел уступить место ночи. Похолодало ещё сильнее. Виссарион усердно работал вёслами, чтобы как можно скорее вернуться в родную лачугу. Рыбак даже вспотел. Мягкий лунный свет нежно ложился на лодку, но его не хватало для освещения огромного водного пространства, из-за чего Виссарион плыл, можно сказать, вслепую, доверившись лишь своей памяти.

Лишь свет полной луны да звёзды были путниками рыбака в тот момент, но и луну, как показалось Виссариону, словно иногда что-то заслоняло. Словно над лодкой летала какая-то огромная птица, отбрасывая гигантскую тень. Однако не было слышно ничьих взмахов крыльев. Или их звук перебивали шум волн и вёсел? Виссарион решил списать это на дурное наваждение и лишь начал грести усерднее, дабы поскорее очутиться дома. Да и кто это может быть? Чайка? Слишком большая для чайки... Ладно, это не так важно.

Сумерки ступились. Виссарион подплыл достаточно близко, чтобы суметь разглядеть берег, и повернул чуть правее, так как он немного отклонился от курса и плыл мимо нужного места. Ощущение, словно над ним кружит огромная птица, наконец, оставило его. Да, это было лишь глупое наваждение! Игра воображения вместе с непроглядной тьмой будоражили разум. И ещё холод. Рыбак сильно дрожал. Пот лишь усугубил положение. Было очень холодно. Виссарион испугался: теперь он мог ещё умереть и от переохлаждения, как и многие тотенцы до него. Гребля усилилась. Скорее бы домой!

Вдруг рыбак заметил какое-то свечение и, прищурившись, разглядел фигуру на берегу. На достаточном расстоянии от дома Виссариона, но на том месте, куда он плыл, пока не повер-

нул правее. По силуэту, едва видимому сквозь пелену тьмы, можно предположить, что это крупный волк, ибо для собаки это нечто слишком огромно. Но это было ещё не самое жуткое в данном силуэте. Глаза зверя блестели, нет, сверкали оранжевым светом так сильно, что если бы Виссарион не различил фигуру волка, он бы подумал, что это горят два маленьких костра или факела на берегу.

Виссарион прищурился, точно ли это был волк, ибо свечение глаз сильно настораживало. Фигура сгорблена. Очень худа, даже противоестественно. Что же это такое? Лодка приближалась к берегу всё ближе, а фигура увеличивалась и становилась чётче и оттого непонятнее. В один момент рыбаку показалось, что это и не волк вовсе, а сгорбленный, стоящий на четвереньках, очень худой человек, чьи длинные руки касались земли. Лодка подплыла ближе. Нет, он не был на четвереньках в привычном понимании этого слова, а стоял, не согнув колени, но наклонившись и доставая ладонями землю, при этом изогнув голову так, чтобы следить за лодкой. Этот «человек» одет во всё чёрное, что даже сливался с ночным берегом, только бледная лысая голова и светящиеся глаза выдавали его присутствие. Виссарион надеялся, что это всё лишь игры разума; что это лишь два маленьких костра или факела, белый пакет и мусор создавали пугающую иллюзию, будто кто-то стоит на берегу.

Но вдруг «человек» зашевелился. Передвигая руками и ногами какими-то странными, дёргаными рывками, он начал уходить прочь от воды, будто испугавшись лодки или, наоборот, разочаровавшись, что судно плывёт не прямо на него.

Рыбак ещё раз понадеялся, что это были лишь иллюзии, фокусы мозга, что не может разглядеть ночной мрак и оттого придумывает его невероятных обитателей. Да и мог ли Виссарион поддаться страху и развернуть лодку, обрекая себя на смерть от переохлаждения?

Лодка причалила к берегу. Рыбак взял с собой дрожащими от холода руками ещё живую и брыкающуюся треску и побежал в родную лачугу, чуть ли не спотыкаясь об каждый камень от дрожи и спешки.

Выбив хлипкую деревянную входную дверь со щеколдой, а затем закрыв её, рыбак подбежал к чугунной печи в дальнем углу лачуги, развёл огонь и начал отогревать промёрзшие до костей конечности. Виссариона пробивала дрожь. Он слишком долго пробыл на холоде, а лачуга, хоть она и спасала от ветра и леденящего морского бриза, также промёрзла до основания, и нужно было время, чтобы отопить дом. Всё указывало на то, что эта ночь станет роковой для рыбака, а виной тому обманчиво тёплое октябрьское утро.

Однако Виссариона смерть так просто не возьмёт! Крохотного огонька из чугунной печки оказалось достаточно, чтобы согреть руки. Потихоньку согревалось и тело. Но разве могло столь долгое пребывание на холоде не отразиться на здоровье Виссариона? У рыбака заболело горло, и его уже начинало лихорадить. Простуда не спеша подкрадывалась всё ближе и ближе. В придачу заболела голова. Ерунда! Виссарион здоровый мужик! Рыбак даже встал с всё ещё сопротивляющейся треской в руках и пошёл к столу, дабы приготовить, наконец, улов и поесть, утолив изнуряющий голод.

Виссарион зажёл небольшую керосиновую лампу и пошёл к столу. Взяв с него большой кухонный нож, поставив лампу и закусив головку чеснока со стола, Виссарион пошёл к единственной в лачуге раковине, размышляя, что он будет делать в случае простуды. Очевидно, надо идти завтра в больницу, даже не в поликлинику. Не иначе. Лечь в палату и поправить здоровье. Как раз и покормят казённой едой. А если не положат? Поставят диагноз, выпишут рецепт и отправят восвояси. Тем более что Виссарион не тотенец. И на какие деньги покупать лекарства? Да ерунда это всё! Зачем нужны эти лекарства? Иммуитет победит столь незначительный недуг! Раньше люди как-то жили и без этих вот антибиотиков и антивирусов. И в больницу идти не надо по такому пустяку. И в поликлинику тоже. Виссарион посмотрел на православный крест над матрасом, на котором он спал, и перекрестился. Бог поможет победить все болезни!

Раковина находилась возле единственного окна с видом на небольшую полоску берега и на море. У Виссариона была привычка, с самого первого дня заселения в эту лачугу, всегда, подходя к раковине, хотя бы мельком, взглянуть в окошко, даже если он весь день проведёт в море (как, например, сегодня). Но сегодня эта безобидная привычка сыграла с ним злую шутку, так как, едва задев окно своим взором, Виссарион остолбенел и выронил из рук большой нож и ещё живую треску.

В окне рыбак увидел те же горящие глаза, что следили за ним с берега, пока тот спешно плыл домой. Только теперь Виссарион смог рассмотреть куда внимательнее кому они принадлежат. Бледная голова, напоминающая скорее голый череп, лишённый носа, даже не имея змеиного подобия в виде каких-либо отверстий для дыхания, и ушей и с глубоко посаженными огненно-оранжевыми глазами, неподвижно стояла за окном. Что это такое? Голова напоминала человеческую лишь отдалённо, скорее неумелую поделку таксидермиста или неудачный портрет начинающего художника. На этом «человеке» было надето некое подобие чёрного кожаного балахона. По крайней мере, это так выглядело. «Человек» стоял согнувшись, ибо его рост был необыкновенно высок.

Виссарион поначалу был настолько шокирован, что у него перехватило дыхание, и он даже не мог пошевелиться, но в следующую же секунду рыбак пришёл в себя, побежал к двери и закрыл её на щеколду. Надежда, что хлипкая деревянная дверь сможет сдержать это ужасающее нечто, была слабой, однако это хоть что-то.

Кто же это такой?

Рыбак, ведомый любопытством, пересилившим первобытный страх перед неизведанным злом, подошёл к окошку. Некто продолжал стоять за стеклом и следить за Виссарионом. Его острые, овальные зрачки напоминали кошачьи. Рыбак боязливо подошёл ближе, чтобы рассмотреть это нечто лучше. И зря! Едва заметив, что Виссарион приблизился, «человек» широко открыл рот, и всё встало на свои места.

Это был вампир.

На такой вывод натолкнули два единственных зуба – острых больших клыка, чем-то напоминающие спицы, что являлись единственными в ротовой полости.

Виссарион в страхе оглянулся. Что спасает от вампира? Чеснок? Крест? Рыбак судорожно заметался по лачуге, подбирая православный крест со стены над матрасом и надкусанную головку чеснока со стола. А разве вампир заходит в дом без приглашения? Нельзя приглашать *это* в дом! Да кому вообще когда-либо приходило в голову приглашать *это* в дом? Точно! Вампиры умеют гипнотизировать! Виссарион вытянул вперёд руки, держа перед собой крест и головку чеснока, и отвёл взгляд от окна. Даже на всякий случай закрыл глаза, дабы не поддаться дьявольским чарам.

Через минуту возник острый вопрос: вампир всё ещё стоит за окном?

Виссарион открыл одно око, украдкой взглянул на светящиеся глаза и вновь отвёл взор. Да, вампир всё ещё стоял за окном, словно что-то выжидая, как очень терпеливый, но крайне опасный хищник. Виссарион простоял минуту, вытянув вперёд руки. Однако это нисколько не помогало. Вампир не обращал внимания ни на крест, ни на чеснок, словно их нет вовсе. От страха Виссарион закусил чеснок в руке.

А тем временем температура тела Виссариона поднималась. Последствия длительной холодной рыбалки подкрались так не вовремя. Руки задрожали; казалось, будто они не смогут больше держать обереги и вот-вот пальцы размякнут, выронив единственные средства для спасения от неведомой угрозы. Всё тело вдруг затрясло. Виссариону стало очень холодно. Его начало ломать. И в этот момент прогремели разбившееся стекло и сломанная рама.

Виссарион испуганно поднял глаза. Вампир разбил окно своими бледными, как голова, руками и уже лез внутрь, не отрывая своего огненного взгляда от рыбака, а значит фантастически изгибая свою короткую шею. Через проём подул леденящий поток воздуха. Пальцы у

вампира неестественно тонкие и длинные с такими же длинными острыми когтями на конце. Руки начали шустро передвигаться сначала по стене вниз от окна, а затем по полу, как бы идя в сторону рыбака. Вампир двигался, широко открыв рот и обнажив два единственных зуба, крайне быстрыми урывками, иногда полностью замирая на одну-две секунды, из-за чего его движения казались дёргаными и оттого более противоестественными, словно он был пришельцем из других миров. Края его кожаной мантии или балахона (определить точно, что это такое, не представляется возможным) немного свисали и иногда касались деревянного пола. Когда вампир затащил свои ноги внутрь лачуги, он встал в полный рост. Два с лишним метра. Руки до колен. Очень худощав. Ноги напоминали руки, только пальцев на их концах было три, и они выглядывали из-под подола одеяния. Вампир замер, как бы из звериного любопытства наблюдая, что предпримет испуганный и беспомощный рыбак.

А что Виссарион мог сделать?

Виссарион же не приглашал вампира к себе, так почему тогда он зашёл? Может, про приглашение вампира – просто миф? А может и с крестом, и с чесноком тоже просто миф? Виссарион боялся об этом даже подумать, ведь в таком случае его ничего не спасёт от ночного кровососа.

Вампир резко махнул одной своей мерзкой рукой, облачённую в чёрное одеяние, и сильный поток холодного воздуха не просто затушил керосиновую лампу на столе, но и столкнул её, и она, упав на пол, разбилась вдребезги. Теперь в лачуге только один источник света – чугунная печка, но её пламени не хватало даже не то, чтобы осветить лицо монстра. В наступившем полумраке Виссариону было видно лишь два огненных глаза и бледные руки чудовища. Затем вампир за секунду, молниеносным резким движением, оказался перед Виссарионом, практически столкнувшись лбом с крестом и чесноком. Виссарион на мгновение подумал, будто бы он может защититься от монстра своими жалкими, ничтожными оберегами. Что хотя бы это не миф.

Но это была лишь кратковременная иллюзия.

В следующее мгновение вампир быстро схватил рыбака за запястья, больно вцепившись своими острыми когтями в кожу, что даже пошла кровь. Виссарион вскрикнул. Ему показалось, что когти монстра извиваются под кожей, словно черви. Вместе с вампиром его схватила сильная лихорадка. Температура тела скакнула, кажется, под тридцать девять и восемь. Рыбак затрясся. От болезни и пронзающего ужаса. Его не спас ни крест, ни чеснок. Это всё оказалось глупыми сказками – только сам вампир оказался правдой. Заболевшая тушка рыбака оказалась беспомощной куклой в руках древнего монстра. Вампир же вновь на мгновение замер.

А рыбаку на какое-то мимолётное мгновение показалось, что всё обойдётся. На какое-то жалкое, скоротечное мгновение.

Но тут же в шею Виссариона вцепились два клыка. Острая боль пронзила сначала шею, а затем, словно быстрораспространяющийся яд, молниеносно разносилась по всему ослабевшему телу. Рыбак забился в конвульсиях. Он почувствовал запах скорой смерти. Во рту появился сильный привкус железа. В нос ударил запах горелых волос. Началась агония. Виссарион потерял сознание.

Но на этом мучения рыбака не закончились.

Сознание Виссариона захлестнул калейдоскоп фантазмагорических видений. Воспоминания, когда Виссарион мальчиком играл в футбол со своими друзьями в родном городе (который не Тотен), за мгновения сменялись видениями, будто он за кем-то подглядывает через окно (каким-то одиноким человеком, который собирался идти спать). Это не могло быть воспоминание! Или об этом эпизоде из своей жизни Виссарион просто забыл? Тут же рыбак увидел разговор с давно умершим родственником, и вот он уже летит над ночным Тотеном высоко в небе. Холодный ветер приятно обдувал тело и давал понять, что Виссарион совершенно без одежды. Крылья являлись продолжением больших рук, чей хлопок в ночи не был слышен. Но

Виссарион ощущал себя не птицей – летучей мышью. Огромной человекоподобной летучей мышью! С острым зрением, позволяющим рассмотреть каждое движение городка. Слух улавливал каждый шёпот. Нюх также доносил абсолютно всё: от запаха самого дорого парфюма Тотена до самого отвратного смрада. Весь город стал как на ладони! А Виссарион превратился в его ночного призрака. Его смертоносным проклятьем! И вот снова видение сменилось. Теперь он жадно вцепился в чью-то шею и пил кровь. О, богоподобный вкус горячей крови! Он сводил с ума! Жидкость растекалась по всему телу, и приятно согревала его. Погодите-ка! Неужели Виссарион стал вампиром? Притом в точности таким же, что укусил рыбака. О, нет! Виссарион осознал, что теперь вечно будет созерцать эту какофонию видений перемешанных с воспоминаниями, не имея возможности управлять своим проклятым телом... или нет?

В один момент всё закончилось. Виссарион очнулся в койке городской больницы, подключённый к какой-то капельнице. С этих пор он больше не видел снов. Никаких. Совсем.

Глава 1

Новая медсестра

После тех ужасных событий прошло чуть больше десяти лет.

Худой, скорее истощённый различными препаратами и затяжной болезнью, голубоглазый, обросший человек среднего роста являлся единственным пациентом психиатрического отделения больницы города Тотен. Его звали Виссарион Иаковович Руневский. По крайней мере, он так представился, ибо никаких его документов так и не нашли. Десять лет назад он был рыбаком, теперь же сидит в одной из шести палат для душевнобольных и практически всё своё время либо ловит мух или пауков, либо проходит терапию от своего столь долгого недуга. Десять лет эта палата является Виссариону домом, а медперсонал его семьёй. У него даже побледнела кожа от столь долгого пребывания в палате. Зубы пожелтели. Мешки под глазами теперь не сходят с лица Виссариона. Белки глаз также пожелтели из-за почечной недостаточности, но порой, из-за постоянно лопающихся капилляров (причиной тому, как правило, являлось частые периодическое повышение давления – гипертония), они полностью краснеют. В такие моменты Виссарион сам напоминал вампира.

Как же так сложилось?

Десять лет назад, в канун Хэллоуина (а именно в конце октября), скорая помощь привезла умирающего, корчащегося в судорогах, полного ссадин и мелких ран, никому не нужного и неизвестного рыбака Виссариона Руневского. Он в лихорадочном бреде случайно забрёл в город Тотен, что и спасло ему жизнь от, казалось, неминуемой гибели. Виссарион, еле-еле поднимая ноги, медленно шёл по городу и во всё горло кричал что-то про вампиров, то ли пытаясь что-то сказать тотенцам, то ли просто произнося случайные слова. Местные жители посчитали его приехавшим откуда-то издалека наркоманом (ведь далеко не все тотенцы знали, как выглядит Виссарион, да и его внешность отличается от тотенской), поэтому они вызвали полицию, а те, в свою очередь верно оценив состояние Виссариона, вызвали скорую помощь. Врачи смогли спасти жизнь рыбаку. Правда, тот ещё несколько дней пролежал в лихорадке, а затем не мог подняться с койки пару месяцев.

Пневмония с менингитом – такого было заключение тотенских врачей.

И эпизод с вампиром, по их утверждениям, был лишь плодом воспалённого лихорадкой мозга. Вот только два крохотных следа, словно от игл, на шее не давали покоя Виссариону. Они не зажили полностью до сих пор. Что это, если не укусы вампира? Скептики в один голос доказывают, что это след от катетеров. Только вот зачем ставить катетеры в шею? Ответ на этот вопрос так и останется покрытым завесой тайны, ведь дежурный врач, что оказывал помощь и, может быть, даже реанимировал Виссариона, когда тот находился между жизнью и смертью, погиб от несчастного случая на следующий день, в Хэллоуин, поэтому точно неизвестно, зачем он поставил два катетера в шею Виссариона. И ставил ли он их вообще?

Были и ещё доказательства того, что нападение вампира имело место быть в реальности, а не в больной голове Виссариона помимо загадочных следов на шее.

Тот далёкий год был ознаменован вспышкой какого-то опасного заболевания, что унесло жизни тридцати восьми жителей города Тотен за два месяца, а затем закончилось столь же неожиданно, как и началось. Оно даже не оставило после себя никакого следа, и ни в каком другом городе его не обнаружили. Болезнь была незаразна. Отчего инфицировались люди, осталось неизвестным. У заболевших неожиданно поднималась температура, затем резко начиналась пневмония, а через неделю пациент умирал. Карантина в городе не объявляли. Вспышка даже осталась практически незамеченной в среде эпидемиологов. Но никто не посчитал это

проделками вампира. Тот октябрь отличился особенно резкими перепадами температуры. За тёплым утром практически всегда следовал чуть ли ни зимний вечер. Этим объяснялась вспышка пневмоний. Даже порой отметалась версия с особым штаммом гриппом (которая была общепринятым объяснением тех событий), ибо вирус, может быть, и ни при чём вовсе – виновата погода и сами жертвы, а точнее их недалёковидность. Иными словами, также популярной версией являлось переохлаждение – давний бич Тотена, но, из-за особенного зверства в тот год, кто-то всё же придерживался версии с невыявленной болезнью. В общем, истинная причина тех смертей не выяснена до сих пор, и она по сей день является предметом оживлённых дискуссий в узких кругах.

Последняя деталь, доказывающая существование вампира – это полуразрушенная лачуга Виссариона. Когда рыбак в сопровождении своего лечащего врача-психиатра Фёдора Борисовича пошёл к себе домой (доктор надеялся так разубедить своего пациента в существовании вампира), он обнаружил, что входная дверь закрыта изнутри щеколдой, а окно разбито осколками внутрь. Однако и это смогли объяснить упрямые скептики. Долгое пребывание в лодке, сильная лихорадка и общее истощение вызвали галлюцинации гораздо раньше, чем Виссариону кажется. Ведь когда вампир начал свою слежку за Руневским? Пока рыбак находился в лодке. Следовательно, его воспоминания, где он заходит в свою лачугу с живой треской в руках, могут оказаться ложными. Виссарион в бреду разбил собственное окно, залез в дом, бросил пойманную треску на пол, разбросал вещи, закрыл входную дверь щеколдой, а затем вылез через окно и, наконец, пошёл куда-то, ведомый фантастическими видениями.

Слишком сложная версия, не правда ли?

В итоге ничто не смогло разубедить Виссариона в существовании вампира. И никто. До сих пор.

Его лечащий врач – психиатр Фёдор Борисович (тучный человек среднего роста с водянистыми глазами, небольшой лысиной среди чёрных волос на голове и гладковыбритым лицом с круглыми очками – практически типичная внешность тотенца) уже десять лет пытается вылечить своего единственного пациента от столь необычного недуга. У пациента не было каких-либо галлюцинаций, неврологических аномалий (кроме перенесённого менингита) и прочего, что позволяло бы однозначно поставить диагноз. Нет, у Виссариона одна лишь бредовая мысль о существовании вампира и непреодолимое желание его уничтожить, порой перерастающее в одержимость. Всё! Даже пребывание Руневского в психиатрическом отделении обусловлено скорее тем, что в Тотене больше нет других душевнобольных. Городок маленький. А если даже и появляются сумасшедшие, то либо дальние родственники заболевших забирают их к себе в другие города, либо ближние не допускают закрытия своих родных в психиатрическом отделении. Поэтому даже сам Фёдор Борисович понимал, что Виссарион сидит у них только из-за оправдания существования психиатрического отделения, стремления местных властей спрятать куда-нибудь неизвестного бездомного (ведь вряд ли Руневский вернётся жить в свою полуразрушенную лачугу на берегу) и по желанию самого больного.

Само лечение Виссариона вгоняло Фёдора Борисовича в неопишуемую апатию. Десять лет назад он строил планы на будущее вне Тотена и мнил себя блестящим специалистом в области психиатрии, и вот его первый пациент, на которого уходит десять лет и то безрезультатно. Даже наоборот: с недавних пор Виссарион начал отлавливать в палатах психиатрического отделения мух и пауков, а затем есть их. На вопрос Фёдора Борисовича: «Зачем?» – Виссарион ответил: «Хочу вспомнить те непередаваемые ощущения, когда пьёшь кровь живого существа, будучи вампиром». Курс лечения лишь навредил! Фёдор Борисович никчёмный психиатр! Даже такую мелочь вылечить не смог, а только навредил!

Фёдор Борисович исписал уже десяток толстых тетрадок по наблюдению за своим единственным пациентом, только какой в них смысл? Какой вообще смысл лечения, если в итоге пациент начал есть насекомых и паукообразных?

Ещё пациент совершенно не видит сны или не хочет о них рассказывать своему психиатру, но это уже мелочь, на фоне смены рациона.

Единственные два утешения Фёдора Борисовича в Тотене – его семья и лучший друг со школы Тимофей Львович, который является местным капитаном полиции и имеет прозвище «Шериф». Каждую пятницу они собираются у кого-нибудь в гостях, и весь вечер напролёт рассказывают друг другу различные случаи, что произошли с ними за прошедшую неделю. Без этих вечеров Фёдор Борисович уже и не представляет свою жизнь, хоть и понимает, что уже сумел надоесть Тимофею Львовичу рассказами о Виссарионе, когда речь заходила о работе. Шериф, конечно, делал вид, что ему интересно, но психиатр прекрасно видел скуку в его водянистых глазах.

Однако вскоре кое-что изменится в жизни Виссариона и Фёдора Борисовича.

Агнесса, двадцатилетняя рыжеволосая зеленоглазая девушка со стройной фигурой, в начале октября приехала в Тотен по личным причинам, которые она не разглашала никому из местных. Однако сплетники всё же поговаривали, что она приехала в город из-за смерти своей бабушки (единственной рыжей в Тотене и чья внешность разительно отличалась от тотенской) и её квартиры, которая досталась Агнессе по завещанию. Сама жилплощадь Агнессе не нужна – она хотела её продать и как можно скорее, однако девушка совсем не знала Тотен, а значит не доверяла никому из его жителей. Процесс продажи затягивался ещё и тем, что Тотен – город вымирающий, и отсюда наоборот все уезжают, иногда даже оставляя пустые квартиры и прочие жилища. Что делать Агнессе? Она не знает.

Вскоре Агнесса заметила одну странную особенность Тотена, а именно в её жителях. Все они были похожи друг на друга, словно являлись близкими родственниками. Эта внешность – рост чуть ниже среднего, тучное, неуклюжее телосложение, большие водянистые глаза, широкий приплюснутый нос, толстые губы, пухлые щеки, кривые зубы и плешь на голове у мужчин старше тридцати – быстро начала вызывать у Агнессы искреннее отвращение. Ей было не по себе, когда сальные тотенские юноши пытались с ней познакомиться. Все тотенцы напоминали ей помесь рыбы и жабы с антропоморфными чертами. Не Тотен, а лавкрафтовский Иннсмут! Вскоре ей вообще начало казаться, что все тотенцы отличаются друг от друга лишь полом и цветом волос; даже характеры у них одинаковые!словно весь город результат длительного инбридинга и вырождения. Со временем она стала выходить прогуляться лишь по ночам, дабы лишний раз не видеть эти уродливые и глупые физиономии.

Прожив две недели в Тотене, Агнесса поняла, что застряла здесь как минимум до декабря, а значит ей срочно требуется работа, так как своих денег на проживание практически не было. Благо она студентка медицинского ВУЗа, поэтому сможет устроиться в больницу медсестрой.

Главврач даже не посмотрел документы Агнессы (ему и без всяких иногородних студентов дел хватает) – принял на работу сразу и отправил к главной медсестре. Та сначала удивлённо посмотрела водянистыми глазами на Агнессу (мол, как такую молодую девушку занесло в такую глушь, тем более не тотенку), а потом выдала медицинскую форму, которая, к удивлению, оказалась как раз. Вот только на этом работа новой медсестры ещё не началась. В больнице и так было одиннадцать медсестёр, помимо Агнессы, и они прекрасно справлялись со своими обязанностями. Похожие на рыб медсестры не хотели принимать Агнессу в свои ряды и делали всё сами, не давая даже самые пустяковые поручения. Оттого новая медсестра первые несколько дней просто сидела в ординаторской, в ожидании какого-то чуда, которое спасло бы её от смертной скуки. Потом ей всё это надоело, ведь подобное бездействие противоречит её огненному характеру, и она пошла к главной медсестре. Та лишь пожалала плечами – мол, сиди, отдыхай и не жалуйся, а то выгоним отсюда вовсе. Агнессу такой ответ, конечно, не удовлетворил, и она пошла напрямиком к главврачу, чтобы он поставил её к какому-нибудь врачу для помощи, если такой имеется в их больнице, а иначе пускай увольняют. Агнесса не была

согласна просто сидеть и ничего не делать даже за деньги. Главврач, конечно, не оценил подобную дерзость, но ему пришёлся по душе благородный порыв. Он немного подумал и отправил Агнессу в психиатрическое отделение, на помощь Фёдору Борисовичу, сразу предупредив, что туда практически не ходят остальные медсёстры и санитары. Девушка с восторгом побежала в кабинет психиатра, который в тот момент сидел у себя и рисовал от скуки каракули в очередной тетради по наблюдениям над Виссарионом Руневским.

Поначалу Фёдор Борисович даже не понял, кто к нему пришёл. Что? Кому? Кого? Зачем? Самые разные вопросы нахлынули на психиатра, когда Агнесса пришла и объявила, что будет помогать ему по приказу главврача. Фёдор Борисович немного помолчал, подумал и, в конце концов, искренне негромко рассмеялся:

– Хорошо! Вот молодцы, а! – проговорил Фёдор Борисович с поднятым вверх трясущимся указательным пальцем левой руки, поправляя правой круглые очки.

Агнесса сильно удивилась реакции врача. Она смущённо стояла в кабинете, не зная, что делать дальше.

– Что мне делать? – стесняясь, спросила Агнесса у смеющегося психиатра, и тот расхохотался сильнее, откинувшись на своём кресле.

Агнесса медленно пошла в сторону выхода, почему-то краснея от стыда, но Фёдор Борисович её остановил, практически у двери:

– Стой! Помогать же пришла, правильно? Вот... – психиатр вырвал листок из тетради, в которой не так давно рисовал каракули – опроси пациента третьей палаты. Его зовут Виссарион Иаковович Руневский. Узнай его состояние. Что ему снилось. И про рацион спросить не забудь. И всё, повторяю, всё запиши! А также узнай, нужна ли ему ещё карта побережья. Всё поняла?

– Конечно! – Агнесса мгновенно приободрилась. Пускай психиатр немного странный, но у неё хотя бы появилась какая-никакая работа. Может, именно из-за странностей Фёдора Борисовича никто из медсестёр не помогает ему в психиатрическом отделении?

Медсестра взяла листок и ручку со стола психиатра и торопливо пошла к пациенту в третью палату. Фёдор Борисович же, чуть погодя, не спеша отправился к главврачу поблагодарить за хорошее настроение и отличный розыгрыш.

Первый вид психиатрического отделения насторожил Агнессу. Оно пустовало. Стояла полная тишина. Отделение даже выглядело бы заброшенным, если б не сверкающие вымытые полы. А выкрашенные в зелёный цвет стены не успокаивали, а, наоборот, внушали больше тревоги и дискомфорта. Медсестра осторожно приблизилась к третьей палате. Что-то в этом месте пугало Агнессу. Но, всё же набравшись смелости, она легонько открыла дверь.

В палате с ободранными зелёными стенами и шестью пустыми койками сидел у окна и скрупулёзно разглядывал карту побережья единственный пациент Виссарион. В этот момент Агнессе стало действительно страшно, прежде всего, от внешнего вида больного, хоть он и был где-то в подсознании даже немного приятен Агнессе, ведь Виссарион разительно отличался от уже изрядно надоевших тотенцев. «Надо было узнать у Фёдора Борисовича, чем болен этот несчастный!» – подумала она. Медсестра попыталась себя успокоить, что пациент должен быть безобидным, ведь иначе палата была бы закрыта, и у неё дежурили бы санитары. Но затем она вспомнила экстравагантное поведение психиатра, и ей стало тревожнее. Тем не менее, она сохранила настрой выполнить поставленную задачу.

– Здравствуйте, Виссарион Иаковович!

Бывший рыбак лениво оторвался от карты и пристально осмотрел незнакомую медсестру.

– Вы кто?

– Я медсестра. Меня прислал Фёдор Борисович.

– А! Понятно! – Виссарион вернулся к карте побережья.

Агнесса немного успокоилась, подошла к одной из коек и села.

– Фёдор Борисович прислал меня узнать как ваше состояние.

– Также, – Виссарион даже не поднял взгляда. Настолько его увлекала карта побережья. Агнесса поставила перо ручки на бумагу, но не знала, что записать.

– Можете подробнее описать своё состояние?

– Также. Всё также. Федя поймёт.

– Фёдор Борисович! – укоризненно сказала Агнесса, но Виссарион даже не обратил внимания на её замечание, лишь уткнувшись в карту побережья.

Агнесса не стала ничего писать. Решила спросить другое:

– А что вам снилось?

– Ничего.

– Совсем?

– Совсем ничего.

Игнорирование Агнессы Виссарионом начинало выводить из себя медсестру. Она, разозлившись, спросила:

– Да что вы всё смотрите в своей карте?

И внезапно Виссарион оживился. Он поднял голову и посмотрел на медсестру уставшими покрасневшими глазами, затем, встав, подбежал к Агнессе с картой в руках и сел рядом с ней на койку:

– Вот! Смотри сюда! – Виссарион ткнул бледным тонким пальцем с жёлтым ногтем в карту перед испуганным лицом Агнессы, – здесь грот, и я думаю, что именно здесь прячется вампир! Десять лет назад моя лодка немного отклонилась от курса и поплыла напрямиком в этот грот, то есть в его логово. Скорее всего, оттого вампир на меня и напал. Может быть, именно я его – конечно, случайно – пробудил и направил в Тотен. Надо срочно взять осиновый кол и ранним утром наведаться туда, пока вампир спит.

Агнесса нервно сглотнула. Из рта Виссариона доносилось столь сильное зловоние, что оно чуть ли не напоминало трупный запах, и жёлтые зубы Руневского также не успокаивали испуганную медсестру. Сейчас Агнесса сильно пожалела, что согласилась идти работать в психиатрическое отделение и в больницу города Тотен вообще. Однако её так просто не спугнуть, и Агнесса смело продолжила выполнять задание психиатра.

– Вам всё ещё нужна эта карта.

– Даже не знаю. Допустим, да. Надо ещё раз внимательно осмотреть побережье. Вдруг я что-то упустил. Но пока что этот грот подходит идеально под логово вампира.

– Что вы сегодня ели?

– Ай! Федьке не понять! Сколько раз я ему уже объяснял? Передай ему, что сегодня, как и вчера, ни мух, ни пауков не ел.

Агнессу продолжала завладевать всё нарастающая тревога, и одновременно с этим некое сочувствие к Виссариону. В палате стояло целых шесть коек, а пациент один, что произвольно вызвало в голове Агнессы один немаловажный вопрос. Медсестра спросила:

– Вы здесь совсем один?

– Да. Федя разве что зайдёт. Да полы вечером помоют. Всё. Больше никого.

– Других пациентов в отделении нет?

– Нет! Откуда у нас, в Тотене, сумасшедшие? Только меня можно таким назвать, да ведь только вампир на самом деле существует. Даже Федя признаёт, что я здесь сижу только для того чтобы он работы не лишился.

– Почему тогда палата третья?

– Я иногда прошу, чтобы меня переселили. Я здесь десять лет провёл. Иногда тошно смотреть на одни и те же стены. Хочется посмотреть на другие.

В этот момент Агнесса даже немного прослезилась. Какой бедняга! Десять лет провести в одиночестве, и лишь ненормальный доктор твой единственный друг и собеседник! Да тут не

только мух-пауков начнёшь есть! Медсестра искренне захотела хоть немного разбавить одиночество Виссариона, только не знала как, поэтому спросила первое, что пришло ей в голову:

– Где, говорите, прячется этот вампир?

Виссарион мгновенно засиял от счастья, даже начало казаться, словно его бледное лицо налилось здоровым румянцем. Впервые за десять лет его хоть кто-то воспринял всерьёз. Руневский дрожащими от восторга руками крепко сжал карту и начал судорожно тыкать пальцем перед лицом Агнессы на точку на побережье.

– Вот! Здесь! Вот! Этот грот! Здесь прячется! Здесь!

Агнесса хитро улыбнулась Виссариону.

– Вампира же надо осиновым колом убить?

– Да! Думаю, да! Надо попробовать! Против него крест и чеснок не помогают – я пробовал. Осиновый кол точно должен убить. Если нет, то вытащи его на Солнце. Я помню, как болезненно он реагировал на свет от керосиновой лампы. Это последний вариант. Свет точно должен его убить.

– Хорошо! Я завтра утром, на рассвете, когда только-только взойдёт Солнце, возьму осиновый кол и пойду в эту пещеру, – Агнесса ручкой обвела то место, куда указывал Виссарион.

Руневский чуть ли не зарыдал от счастья, что вдруг переполнило его в тот момент.

– Спасибо! Спасибо! Ты лучшая! Спасибо!

Неожиданно Виссарион крепко обнял Агнессу. Ей, конечно, было очень приятно, что она вызвала у бедного пациента такие бурные и светлые эмоции и смогла хоть на какое-то время разогнать, кажется, десятилетнюю апатию, но всё же ей стало не по себе, что её обнимает сумасшедший. Агнесса краем глаза заметила два необычных шрама на бледной шее Виссариона. Она уже приготовилась спросить про эти загадочные следы, но их прервали.

В этот момент в палату забежал испуганный Фёдор Борисович. После того, как он узнал от главврача, что Агнесса не была розыгрышем, психиатр со всех ног помчался в третью палату, пока не произошло непоправимого.

– Виссарион!!! – грозно крикнул Фёдор Борисович.

Пациент мгновенно перестал обнимать Агнессу и, как ужаленный, встал с койки, с неким страхом и стыдом смотря на своего грозного психиатра в круглых очках.

– В мой кабинет! Живо! – сказал Фёдор Борисович Агнессе, и та послушно встала и пошла к выходу, грустно опустив голову, так же, как и Руневский, ощущая вину и стыд за что-то.

Виссарион, немного замявшись от какой-то нерешительности, что возникла от неожиданного появления Фёдора Борисовича, спросил у уходящей Агнессы, когда та находилась у самой двери:

– Как Вас зовут?

Агнесса обернулась и сказала напоследок:

– Агнесса.

...после чего медсестра вышла из палаты вместе с психиатром, а Виссариона начал одолевать вихрь давно позабытых чувств. Этой маленькой, кратковременной встречи с лихвой хватило, чтобы растопить давно умершее сердце бывшего рыбака. Теперь все его мысли были только об этой красивой рыжеволосой девушке с изумрудно зелёными глазами и с прекрасным именем Агнесса.

В это время Фёдор Борисович и Агнесса не спеша передвигались в кабинет психиатра. Фёдор Борисович уже успел успокоиться, ведь ничего страшного не произошло, однако он сохранял некую грозность в глазах медсестры. Пока они шли, психиатру стало интересно, чем обернётся для него и его пациента эта незапланированная встреча.

– Что он говорил? – с мрачным видом, наконец, спросил Фёдор Борисович.

– Сказал, состояние такое же и что вы поймёте. Снов не видел. Мух и пауков сегодня не ел. Карта побережья ещё нужна.

– Что ты говорила?

– В основном спрашивала. Потом решила подыграть.

– Что!? – Фёдор Борисович остановился и тут же побагровел от злости, – Я десять лет пытаюсь ему доказать, что не существует никакого вампира, а ты ему подыгрываешь!!! – яростный крик Фёдора Борисовича, казалось, услышала вся тотенская больница.

– Простите...

– Что простите!? Что мне сейчас делать? Как именно ты ему подыграла?

– Спросила, где обитает вампир и пообещала, что завтра утром схожу туда и убью его...

– Бесплезно!!! Если считаешь, что он на этом успокоится, то нет. Я уже водил к месту, где, по его утверждению, прячется вампир. Виссарион видит, что никого там нет, и начинает искать новое место, где может обитать вампир. И этот круг можно продолжать вечно! Всё бесполезно!

– А вы пробовали сказать ему, что сами убили вампира?

Фёдор Борисович ещё сильнее покраснел и начал истерично махать левой рукой, поправляя правой круглые очки и сопровождая криками:

– В этом нет смысла!!! Он придумает что-нибудь ещё!!! Скажет, что вампиров на самом деле не один, а несколько или что-то в этом духе. Может даже увидит в тебе вампира или его прислужницу. Запомни: никогда нельзя подыгрывать душевнобольным!!! Никогда!!! Иначе их бредовые мысли могут в один момент коснуться и тебя.

Фёдор Борисович немного успокоился, перестал махать рукой и в нормальном тоне сказал:

– Иди домой!

– Но смена...

Тут же Фёдор Борисович вновь побагровел и закричал во всё горло:

– Живо!!!

Испуганная Агнесса заплакала и побежала прочь.

Фёдор Борисович проводил Агнессу злобным взглядом, а затем решил вернуться к Виссариону, чтобы понять насколько сильно новая медсестра навредила долгому лечению. Войдя в палату, психиатр сразу же приятно удивился: его пациент не ловил мух или пауков и не фанатично рассматривал карту побережья, а грустно смотрел в окно.

– Зря ты так с ней, Федя. Новенькая, как-никак. Откуда же ей было знать, что можно, а что нельзя в твоём отделении? – проговорил Виссарион, даже не посмотрев на своего психиатра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.